

Дневник писателя. 1877. Ноябрь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

І. ТОЛКИ О МИРЕ.

«КОНСТАНТИНОПОЛЬ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАШ» — ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО? РАЗНЫЕ МНЕНИЯ

А про окончание войны все вдруг начали толковать, не только в Европе, но и у нас. Все пустились дебатировать вероятные условия мира. Приятно то, что даже большинство наших политических газет, более или менее, но верно ценит теперь труды, кровь и усилия России, и условия мира предполагает по возможности в размерах этих усилий. Утешительно особенно то, что большинство судящих начинает признавать и самостоятельность России ввиду грядущих несомненных европейских вмешательств при заключении мира, и право ее заключить мир сепаратный, личный, не призывая Европы и даже не очень внимая ей, если будет возможно. Участь славян берется тоже в расчет. Толкуют о вознаграждениях, с большим жаром требуют железных турецких мониторов. На присоединение Карса, Эрзерума и на право наше присоединить их к себе многие изъявили полное согласие.

Есть люди, которые, впрочем, до сих пор обижаются даже предположением, что мы что-нибудь смеем присоединить

вроде Карса. Зато есть, наконец, и такие, которые толкуют даже о Константинополе, не то что о Карсе, и о том что Константинополь должен быть наш. Эти толки и рассуждения о мире и об условиях мира будут теперь повторяться неустанно, после каждого крупного нашего военного действия. Мне хочется только заметить, что во всех этих теперешних суждениях наших органов (или почти) кроется как будто какой-то не то что промах, а недосмотр. Именно, все считают Европу... Европой, то есть такой же Европой, какой была она с разными варьяциями во всё столетие,— то есть те же почти великие державы принимаются, то же политическое равновесие имеется в виду и проч. Между тем как Европа с часу на час не та становится теперь, что была даже назад тому полгода, и даже до того, что за три месяца вперед ручаться теперь невозможно,— до того может измениться даже к будущей весне прежний лик ее. Колоссальные роковые текущие факты, которые должны формулироваться и потребовать разрешения, очень может быть скоро, берутся в расчет как бы всё еще не в тех размерах, в которых они существенно должны предстать перед миром. Даже состав той Европы, которая может вмешаться в наши дела при заключении мира, трудно определить теперь безошибочно. А потому и толковать об условиях мира лишь на прежних данных, недостаточно оценивая того, что все эти прежние данные - двинулись сами с места, текут, улетучиваются, ждут сами новых определений, мне кажется, будет тоже ошибочно... А впрочем, об этом потом. Теперь же, так как уже зашла речь о Константинополе, мне хочется мимоходом отметить одно очень странное и почти неожиданное. Для меня мнение о ближайших «судьбах» Константинополя, выраженное человеком, от которого можно было ожидать совсем другого решения ввиду теперешних совершившихся и несомненно имеющих совершиться событий. Николай Яковлевич Данилевский, написавший восемь лет тому назад превосходную книгу «Россия и Европа», в которой есть лишь одна неясная и нетвердая глава, именно о будущей судьбе Константинополя, напечатал недавно

в газете «Русский мир» ряд статей о том же самом предмете. Окончательный вывод его о Константинополе очень оригинален.

Я, впрочем, не буду разбирать во всей подробности.

После превосходных и верных рассуждений, например, о том, что Константинополь, по изгнании турок, отнюдь не

может стать вольным городом, вроде, как, например, прежде Краков, не рискуя сделаться гнездом всякой гадости, интриги, убежищем всех заговорщиков всего мира, добычей жидов, спекулянтов и проч и проч, Н. Я. Данилевский решает, что Константинополь должен, когда-нибудь, стать общим городом всех восточных народностей Все народы будут де владеть им на равных основаниях, вместе с русскими, которые тоже будут допущены ко владению им на основаниях, равных с славянами. Такое решение, по-моему, удивительно. Какое тут может быть сравнение между русскими и славянами? И кто это будет устанавливать между ними равенство? Как может Россия участвовать во владении Константинополем на *равных* основаниях с славянами, если Россия им неравна во всех отношениях — и каждому народцу порознь и всем им вместе взятым? Великан Гулливер мог бы, если б захотел, уверять лилипутов, что он им во всех отношениях равен, но ведь это было бы очевидно нелепо Зачем же напускать на себя нелепость до того, чтоб верить ей самому и насильно? Константинополь должен быть *наш*, завоеван *нами*, русскими, у турок и остаться нашим навеки Одним нам он должен принадлежать, а мы, конечно, владея им, можем допустить в него и всех славян и кого захотим, еще сверх того, на самых широких основаниях, но это уже будет не федеративное

владение вместе со славянами городом. Да взять уже то, что вы федеративного соединения славян между собою еще целый век не добьетесь. Россия будет владеть лишь Константинополем и его необходимым округом, равно Босфором и проливами, будет содержать в нем войско, укрепления и флот, и так должно быть еще долго, долго. О, подхватят и закричат многие: «Стало быть, служение-то России славянскому делу, видно, было не столь бескорыстное!» На это легко отвечать, именно тем, что служение России славянам теперь еще не окончится, а будет еще продолжаться в веках, что ею только, и великой центральной силой ее, славяне и будут на свете жить, что за такое служение никогда и ничем нельзя будет заплатить, а что если и займет теперь Россия Константинополь, то единственно потому, что у ней, в задачах ее и в назначении ее, есть кроме славянского и другой вопрос, самый великий для нее и окончательный, а именно Восточный вопрос, и что разрешиться этот вопрос может только в Константинополе.

360

Федеративное же владение Константинополем разными народцами может даже умертвить Восточный вопрос, разрешения которого, напротив того, настоятельно надо желать, когда придут к тому сроки, так как он тесно связан с судьбою и с назначением самой России и разрешен может быть только ею. Не говорю уже о том, что все эти народцы лишь перессорятся между собою в Константинополе за влияние в нем и за обладание им. Ссорить их будут греки. Завидовать тому, что они владеют такой великолепной точкой Европы и земного шара, будут и западные славяне... одним словом, Константинополь послужит тогда камнем раздора во всем славянском и восточном мире, что помешает единению славян и остановит ход

правильной жизни их. Спасение в таком случае именно в том, если Россия займет Константинополь одна, для себя, за свой счет. Россия может сказать тогда восточным народам, что она потому берет себе Константинополь — «что ни единый из вас, ни все вы вместе не доросли до него, а что она, Россия, доросла». И доросла. Именно теперь наступает этот новый фазис жизни России. Константинополь есть центр восточного мира, а духовный центр восточного мира и глава его есть Россия. России именно нужно и даже *полезно* теперь, на некоторое время, забыть хоть немножко Петербург и побывать на Востоке, ввиду изменения судеб ее и всей Европы, изменения близкого, стоящего «при дверях». Впрочем, оставим до времени разбор всех неудобств общего владения Константинополем, и даже вреда от того, особенно для славян,— заметим только, хоть несколько слов, о судьбе в таком случае константинопольских греков и православия. . Греки ревниво будут смотреть на новое славянское начало в Константинополе и будут ненавидеть и бояться славян даже более, чем бывших магометан. Еще недавний спор болгар с патриаршим престолом может послужить в таком случае примером будущего. Предстоятели православия в Константинополе могут унизиться до интриги, мелких проклятий, отлучений, неправильных соборов и проч., а может быть, упадут и до ереси—и всё это из-за национальных причин, из-за национальных оскорблений и раздражений. «Почему славяне выше нас, могут сказать все греки вместе, почему признается их безусловное право на Константинополь, хотя бы и вместе с нами?» Теперь в то же время заметьте, что Россия,

владея Константинополем, имея силу и огромный очевидный авторитет, почти устранил возможность таких вопросов. Даже греки не могли бы ей столь завидовать и досадовать на нее за владение Константинополем, именно потому, что она столь очевидная сила и столь явная владычица судеб Востока. Россия, владея Константинополем, будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и *всех восточных* народностей, не различая их с славянами. Мусульманское владение было во все эти столетия для всех этих народностей не единительной, но подавляющей силой и они при нем шевельнуться не смели, то есть вовсе не жили как люди. С уничтожением же мусульманского владычества может наступить в этих народностях, выпрыгнувших вдруг из гнета на свободу, страшный хаос. Так что не только правильная федерация между ними, но даже просто согласие — есть, без сомнения, лишь мечта будущего. А пока новой единительной для них силой и будет Россия, именно тем отчасти, что твердо станет в Константинополе. Она спасет их друг от друга и именно будет стоять на страже их свободы. Она будет стоять на страже всего Востока и грядущего порядка его. И наконец, она же и лишь она одна способна поднять на Востоке знамя новой идеи и объяснить всему восточному миру его новое назначение. Ибо что такое Восточный вопрос? Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России, Что же это за судьбы православия? Римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение, заставившее отвернуться от себя человечество и бывшее таким образом главной причиной матерьялизма и атеизма Европы, это католичество естественно породило в Европе и социализм. Ибо социализм имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно, взамен упавшего христианского в ней начала, по мере извращения и утраты его в самой церкви католической. Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты

своей в православии. С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос, Я знаю, очень многие назовут такое суждение «кликушеством», но Н. Я. Данилевский слишком может

362

понять то, что я говорю. Но для такого назначения России нужен Константинополь, так как он центр восточного мира. Россия уже сознает про себя, с народом и царем своим во главе, что она лишь носительница идеи Христовой, что слово православия переходит в ней в великое дело, что уже началось это дело с теперешней войной, а впереди перед ней еще века трудов, самопожертвования, насаждения братства народов и горячего материнского служения ее им, как дорогим детям.

Да, это великое христианское дело, эта новая деятельность христианства и православия уже начались, именно в теперешнюю войну и фактом теперешней войны, а Н. Я. Данилевский всё еще не верит тому... не верит, очевидно, потому, что не считает пока никого еще достойным овладеть Константинополем, и даже Россию. Не доросли, что ли, до Константинополя русские — трудно понять. Конечно, трудно устроить согласное и равное на правах владение Константинополем всех восточных народов и народцев, но ведь допускает же автор статьи, что Россия могла бы владеть Константинополем одна, пока, временно, так сказать, более охраняя его, чем смея владеть им, с тем, однако, чтоб после передать его на общее владение народцам (для чего? для чего передать?). Кажется, Н. Я. Данилевский считает, что для самой России будет искусительно и, так сказать, развратительно

единоличное владение Константинополем, возбудит в ней дурные завоевательные инстинкты и проч., но, кажется, пора бы наконец уверовать в Россию, особенно после подвига теперешней войны. Она доросла-с; даже до Константинополя доросла...

И вдруг автор даже и *пока* не решается доверить России Константинополь. И, представьте, чем кончает: он выводит, что *пока* надо продлить существование Турции (отняв у. ней всех славян, Балканы и проч.) и оставить пока Константинополь под властью турок и что это даже будто бы самое выгодное для России *теперь* решение и в этом почти перст божий. Но почему же, перст-то божий почему? Разумеется, автор предполагает при этом новом существовании Турции полнейшее влияние на нее России и, так сказать, зависимость Турции от России. Но для чего такой маскарад? Рассудите: владыка Россия, а все-таки на время надо турку поставить. Заметим, что на такую комбинацию Европа еще скорее не согласится, чем на окончательное завоевание Турции, ибо лучше уже

363

совершившийся факт, чем всё еще оспариваемый, продолжаемый, угрожающий новыми войнами в самом близком будущем. Таким образом, автор почти сошелся, в конце концов, с политическим мнением лорда Биконсфильда, то есть что существование Турции необходимо и уничтожена она быть не может.

«От Турции останется одна тень,— говорит Н. Я. Данилевский,— но тень эта *должна* (?) еще до поры до времени отенять берега Босфора и Дарданелл, ибо заменить ее *живым*, и не только живым, но еще здоровым организмом, пока невозможно (!?)...»

Это Россия-то не здоровый и даже не живой еще организм, которым нельзя даже сметь заменить в столице православия гнилье турок? Это для меня удивительно (опять-таки после *подвига* теперешней войны!). Чего-нибудь я тут верно не понимаю. Не понимает ли автор, просто-напросто, что потому невозможно еще пустить Россию в Константинополь (для единоличного владения или для передачи его потом народам), что Европа не согласится ее впустить. Может быть, автор не верит, что Россия в нынешнюю войну в силах достигнуть такого окончательного результата. Он именно говорит в одном месте своей статьи, «что *занятие* Константинополя русскими встретит самое решительное сопротивление со стороны большинства европейских держав». Если так, то заключение его о необходимости оставить на время турок в Константинополе становится понятнее; тем не менее насчет «сопротивления большинства европейских держав» можно заметить две вещи: 1) что, как сказал я выше, Европа, может быть, скорее найдет примирительный исход в занятии нашем Константинополя, чем в той формуле, которую предлагает г-н Данилевский, то есть Турцию обезличенную, под полной опекой России, без Балкан, без славян, с скрытыми крепостями, без флота, одним словом, «тень» прежней Турции, как выражается автор. Уж конечно, не этой Турции желало бы «большинство европейских держав», и, оставив на свете лишь «тень Турции», ее тем не надует: «Всё равно, не сегодня, так завтра войдете в Константинополь»,— скажет она русским. А потому окончательное решение для нее будет решительно предпочтительнее, чем Турция в виде тени. Второе, что можно заметить, это то, что, *может быть*, действительно никогда еще не было (и не будет) такого выгодного для нас момента для занятия Константинополя, как теперь, именно

в эту войну, именно в данный или весьма близкий к тому момент, ввиду политического положения самой Европы в этот момент.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 358. *А про окончание войны все вдруг начали толковать, не только в Европе, но и у нас ~ изъявили полное согласие.* — Рассуждения о мире возникали в Европе в связи с каждой победой русских в русско-турецкой войне. Заинтересованные европейские страны (в первую очередь Англия и Австро-Венгрия) не желали решительных успехов русских войск, поскольку, как понимали на Западе и в России, «мера <...> вознаграждений и уступок определяется размером успехов воюющих сторон» (Сев. вестн. 1877. 31 окт. (12 ноября). № 183). Русские, для которых военная ситуация складывалась благополучно, не спешили с заключением мира. Вопросам условий мирных соглашений посвящены, в частности, статьи Н. Я. Данилевского, которые далее обсуждает Достоевский. Так, в статье «О настоящей войне» Данилевский писал: «...балканские христианские народы получили бы им должное; будущая судьба их была бы устроена и упрочена. Но необходимо еще выполнение некоторых особых условий в видах вознаграждения — как России за ее жертвы, так и самих христианских народов Турции за перенесенные ими страдания. Собственно в вознаграждение военных издержек России — ей должен быть уступлен турецкий броненосный флот, который сделается для Турции бесполезною тягостью, и часть Малой Азии, по крайней мере, Карс и Батум...» и т.д. (Рус. мир, 1877. 2 (14) авг. № 207; см. также: 13 (25) окт. № 279).

С. 358. *...большинство судящих начинает признавать и самостоятельность России ~и право ее заключить мир сепаратный, личный, не призывая Европы...* — Об этом со ссылкой на другие издания писалось, в частности, в «Новом времени»: «Осмелится ли кто-нибудь прекословить решениям, которые продиктует низложенной Турции Россия одна,

отклоняя всякое вмешательство? <...> Тогда ли не в нашей собственной власти будет получить вполне соответствующее вознаграждение и за все материальное усилие,— вознаграждение даже с лихвою?..» (1877 29 окт. (10 ноября). № 600).

С. 358. ...с большим жаром требуют железных турецких мониторов. — Мониторы (англ. monitor) — бронированные военные корабли с сильной артиллерией. Об этих мониторах, долженствующих по заключении мира перейти в руки России, писал Н. Я. Данилевский в статье «О настоящей войне» (Рус. мир. 1877. 2 (14) авг. № 207).

С. 358. На присоединение Карса, Эрзерума и на право наше ~ многие изъявили полное согласие. — В «Новом времени» со ссылкой на другие издания (рубрика «Среди газет и журналов») по этому поводу писалось: «Карс и Эрзерум, как и Батум, должны остаться в руках России...» (1877 11 (23) ноября. № 613). В следующем номере этой газеты опять-таки с привлечением материалов других изданий говорилось о необходимости присоединения к России Ардагана, Карса и Батума (там же. 12 (24) ноября. № 614) Далее в той же газете («Внешние известия») говорилось: «...ни будущие завоевания России, ни желание ее оставить Карс за собой не встретят никаких препятствий со стороны континентальных держав при окончательном заключении мира» (там же. 15 (27) ноября. № 617). В результате русско-турецкой войны вся Карская область отошла к России.

С. 359. Николай Яковлевич Данилевский, написавший ~ книгу «Россия и Европа», в которой есть лишь одна неясная и нетвердая глава, именно о будущей судьбе Константинополя... — Н. Я. Данилевский (1822—1885) — ученый-естественник и философ, в молодости — фурьерист и

участник кружка Петрашевского. Достоевский знал о его капитальном труде «Россия и Европа» еще до выхода книги в свет (она печаталась частями в журнале «Заря» за 1869 г.), с нетерпением ждал ее и спрашивал в письмах А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову об отдельном ее издании, которое появилось в 1871 г. Работа Данилевского произвела на Достоевского глубокое впечатление: «Статья же Данилевского, в моих глазах, становится все более и более важною и капитальною. Да ведь это — будущая настольная книга всех русских надолго <...> Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь на иных страницах сходству выводов» ([письмо Н. Н. Страхову от 18 \(30\) марта 1869 г.](#)). Далее, при чтении «России и Европы» в выходящих номерах «Зари», Достоевский с огорчением заметил свое расхождение с Данилевским; «Все назначение России заключается в православии, *в свете с Востока*, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа <...> Ну представьте же Вы себе теперь <...> что даже в таких высоких русских людях, как, например, автор «России и Европы» — я не встретил этой мысли о России, то есть об исключительно-православном назначении ее для человечества» ([письмо А. Н. Майкову от 9 \(21\) октября 1870 г.](#)). О Константинополе в первоначальном отзыве Достоевского на книгу ничего не говорится. Видимо, собираясь полемизировать с автором «России и Европы» через восемь лет, Достоевский еще раз заглянул в эту книгу, тем более что к ней отсылал и сам Данилевский в позднейших статьях, о которых далее Достоевский ведет речь (см.: Рус. мир. 1877. № 207. № 309). «Неясная и нетвердая глава <...> о будущей судьбе Константинополя» — глава XII, «Восточный вопрос». В ней Данилевский писал: «...всеславянская федерация — вот единственно разумное, а потому и единственно возможное решение Восточного вопроса» (см.: *Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1871. С. 387*). И далее о Константинополе: «Царьград

должен быть столицею не России,— а всего Всеславянского Союза» (там же. С. 408).

С. 359. ...напечатал недавно в газете «Русский мир» ряд статей о том же самом предмете. — Статьи Данилевского печатались под разными названиями, хотя все они объединены общей темой — Восточный вопрос. Цикл открывался статьей «О настоящей войне» (Рус. мир. 1877. № 207), затем: «Европа и русско-турецкая война» (№ 279), «Проливы» (№ 289, № 290), «Константинополь» (№ 308, № 309).

С. 360. После превосходных и верных рассуждений, например, о том, что Константинополь ~ как, например, прежде Краков ~ общим городом всех восточных народностей. — См. статью Данилевского «Константинополь» (Рус. мир. 1877. 11 (23) и 12 (24) ноября. № 308 и 309). Рассуждение о Кракове см. в № 309. «По нашему решению задачи,— пишет Данилевский в заключительной части статьи,— назовем его пока идеальным — Константинополь должен быть городом общим всему православному и всему славянскому миру, центром восточно-христианского союза. В этом качестве он будет, следовательно, принадлежать и России...» (там же. 12 (24) ноября. № 309).

С. 360. Великан Гулливер мог бы, если б захотел, уверять лилипутов, что он им во всех отношениях равен...— Гулливер — герой сатирического романа Д. Свифта (1667—1745) «Путешествия Гулливера» (1726).

С. 361. ...когда придут к тому сроки... — Частая у Достоевского реминисценция из книг Нового завета: «...не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в своей власти» (Деяния апостолов, гл. I, ст. 7 и др.).

С. 361. ...а что она, Россия, доросла». И доросла. — Повторяющаяся в этой главке мысль и горячая ее защита

вызваны полемикой не столько с Данилевским, сколько с теми утверждениями, появлявшимися на страницах русских газет и журналов, согласно которым Россия еще не готова к освобождению братьев-славян. Ярче всего эта позиция была заявлена журналом «Вестник Европы». Автор «Внутреннего обозрения» этого журнала писал в начале октября: «Нам припоминается <...> то, что говорилось и творилось у нас в печати год тому назад, когда в сентябре, в эпоху всеобщего увлечения сербским вопросом, мы сказали, между прочим: „Мы должны помнить, что, следуя влечению, мы не вправе еще претендовать на выдачу нам аттестата зрелости; свидетельство о ней мы можем получить только за работу внутреннюю, в частностях своих мелкую, но в общем более трудную, чем простое денежное пожертвование и даже чем доблестная, но минутная жертва жизнью за славное дело свободы. Помогайте славянам, но не забывайте и своих дел...“ Многие, может быть, помнят, какую бурю произвели в некоторых органах нашей печати эти наши слова...» (Вестн. Европы. 1877. № 10. С. 822). Соображения такого рода повторялись в статье А. Н. Пыпина «Наша печать и болгарские дела», которую, судя по ноябрьскому выпуску «Дневника», внимательно прочел Достоевский. «В настоящее время,— писал Пыпин,— несомненно ходит в умах представление о национальной связи и солидарности славянских племен; оно играло свою роль в приготовлениях настоящей войны <...> Но, как мы не раз уже о том говорили, дело понимается у нас в большинстве случаев крайне ошибочно и с большой примесью фантазии <...> Теория славянского единства <...> приобрела черты самого непривлекательного обскурантизма, с которым соединяется, как обыкновенно, великое самомнение и отсутствие терпимости

<...> в настоящий момент мы едва ли готовы взять на себя роль (руководителей славянства, какими хотят быть наши теоретики, и если возьмем ее, она может оказаться нам еще не по силам. Для этой роли нужно нечто большее, чем то, что может в настоящую минуту представить наше внутреннее общественное содержание» (там же. С. 883—884, см. также, с. 885). Заявления Пыпина, как и другие заявления аналогичного свойства (см., например, статью Е. И. Утина «Болгария во время войны» — Вестн. Европы. 1877. № 11), высказанные вполне безапелляционно, безусловно вызвали раздражение Достоевского, и это чувство диктовало писателю многие утверждения заключительных главок ноябрьского выпуска «Дневника». С полемикой по тем же пунктам, но гораздо сдержаннее, чем Достоевский, выступил в «Новом времени» А. И. Кошелев, опубликовавший в ноябрьских номерах газеты ряд статей под общим заглавием «Настоящий смысл Восточного вопроса» (см.: Нов. время. 1877. 23—25 и 27 ноября (5—7 и 9 декабря). №625—627 и 629. См. также статью А. Зиссермана «Нашим обвинителям» — там же, 13 (25) ноября, № 615).

С. 361. *...изменения близкого, стоящего «при дверях»...* — Ср.: «...когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях» (Евангелие от Матфея, гл. 24, ст. 33 и др.).

С. 361. *Еще недавний спор болгар с патриаршим престолом...* — Об этом споре, кратко формулируя его суть и причины, напоминал Данилевский в статье «Константинополь»: «Говорят, что мы сами оттолкнули ее; (константинопольскую патриархию.— В. В.) от себя односторонним покровительством болгар в их распре с греками. Охотно допускаем, что болгары перешли надлежащую меру, что они (впрочем, точно так же, как и их противники) признали вмешательство мусульманской власти в дела православной церкви; выговорили себе несогласное с церковными канонами право иметь самостоятельного главу своей церкви (оставшейся православной) в том же городе, где находится кафедра вселенского патриарха <...> Но что же повело к этому и в чем

собственно сущность дела? Не в честолюбивых ли притязаниях греков эллинизировать болгар введением в их церквах богослужения на греческом языке, замещением болгарских архиерейских кафедр исключительно греками, распространением греческих школ среди болгарских населений <...> Не явно ли, что национальное беспристрастие, которое должно бы руководить церковью, носящею название Вселенской, и которым в прежние времена она я отличалась,— было принесено в жертву узким интересам эллинизма так называемой великой идее. Не отголосок ли это тех навеянных с Запада опасений всепоглощающего панславизма, которые так распространились в последнее время между греками и которые дошли до того, что значительная часть эллинской интеллигенции проповедовала союз с Турцией против России и славянства» (Рус. мир. 1877 11 (23) ноября. № 308). Об этом же споре болгар с патриаршим престолом напоминал и автор статьи «Недобитый народ» в «Современном обозрении» «Отечественных записок» (1876. № 9. С. 10—12).

С. 362—363. *Я знаю, очень многие назовут такое суждение «кликушеством», но Н. Я. Данилевский слишком может понять то, что я говорю* — Достоевский имеет в виду сходные мысли, высказанные самим Данилевским и косвенно отразившиеся, в частности, в том цикле статей, о котором здесь идет речь. Более обоснованным и подробным образом эти Суждения были выражены в книге «Россия и Европа». Обвинения в «кликушестве» по поводу политических убеждений и прогнозов Достоевского

действительно раздавались. Достоевский тем более легко мог предвидеть подобную реакцию на свои идеи, что обвинения в

«кликушестве» издавна сопровождали все и всякие теории славянофильского толка. Ср., например, стихотворение Н. Ф. Щербины (1821—1869), направленное одновременно и против А. Н. Островского (1823—1886), и против его почитателя А. А. Григорьева (1822—1864), будущего критика и публициста журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», «После чтения одной „Элегии — оды — сатиры“» (1854):

Внимая голосу восторженных кликуш,

В себе почуял ты какого-то
гиганта
И о себе самом понес
смешную чушь <...>
Блеснула с Запада нам света
благодать,
Мы к свету истины
стремимся всей душою,—
И вот задумали порыв наш
задержать
Кликуши вещие татарской
стариною!..
(Щербина Н. Ф. Избранные
произведения. Л., 1970. С.
263—264, а также 558—559).

Стихотворения Щербины имелись в библиотеке Достоевского.

С. 363. ...но ведь допускает же автор статьи, что Россия могла бы владеть Константинополем одна, пока, временно ~ чтоб после передать его на общее владение народцам... — Ср.: «Константинополь должен быть взят временно в руки России, с тем, чтобы в должное время быть переданным всем тем, которые имеют на него право» (Рус. мир. 1877 12(24) ноября, № 309).

С. 363. И вдруг автор даже и пока не решается доверить России Константинополь ~ и в этом почти перст Божий. — Ср.: «... неожиданно сильное сопротивление Турции есть

явление, которое должно считать благоприятным. В нем, как во всем этом деле, начиная с герцеговинского восстания, ясно видна рука Божия, обращающая во благо самые козни врагов...» и т. д. (Рус. мир. 1877. 12 (24) ноября. № 309).

С. 363. *...автор предполагает при этом новом существовании Турции полнейшее влияние на нее России и, так сказать, зависимость Турции от России.* — Ср.: «Что касается самой Турции, то, лишенная европейского кредита, флота, дунайских и балканских крепостей и тех подданных, соками которых она питалась, ей не останется ничего иного, как, отбросив мечты о невозвратимом внешнем величии, предаться исключительно заботам о своем возможном еще внутреннем благосостоянии и подчиниться вполне влиянию России» (Рус. мир. 1877. 2 (14) авг. № 207).

С. 364. *...автор почти сошелся, в конце концов, с политическим мнением лорда Биконсфильда, то есть что существование Турции необходимо и уничтожена она быть не может.* — Ср. заключение последней статьи Данилевского (Рус. мир. 1877. 12 (24) ноября. № 309) и «Речь лорда Биконсфильда» (там же. 2 (14) ноября. № 299). По мнению Биконсфильда и его единомышленников в Англии и Австро-Венгрии, Россия не имела права начинать войну и европейский мир обеспечен лишь существованием Турции с ее территориальным status quo.

С. 364. *«От Турции останется одна тень, — говорит Н. Я. Данилевский ~ не только живым, но еще здоровым организмом, пока невозможно (!?)...»* — Ср.: «От Турции останется одна тень; но тень эта должна еще до поры до времени отенять берега Босфора и Дарданелл, ибо заменить ее живым, и не только живым, но еще здоровым организмом, пока невозможно» (Рус. мир. 1877. 12 (24) ноября. № 309).

С. 364. ...«что занятие Константинополя русскими встретит самое решительное сопротивление со стороны большинства европейских держав». — Не совсем точная передача рассуждения Данилевского. Ср.: «Он (Константинополь.— *Ред.*) мог бы, пожалуй, быть признан и вольным городом, но под исключительным протекторатом России <...> т.е. с русским гарнизоном и под общим ее административным надзором. Такое решение было бы весьма желательно и вполне удовлетворительно; но нельзя сомневаться, что оно встретит самое решительное сопротивление со стороны большинства европейских держав» (там же).